

Китай и Африка:
"взаимовыгодное" сотрудничество?..

П. В. Осколков
о феномене мультикультурализма
и его последствиях

NON PAPER

september
2021

Впервые на ФМП:
заседание ПА ОДКБ

СОДЕРЖАНИЕ

В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ

Ультраконсерваторы у власти: чего ждать от нового президента Исламской Республики? **Юлия Мигалина** 4

США: «Роу против Уэйда» 2.0 **Юлия Хихленко** 6

НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Frexit — неизбежная реальность или иллюзия? **Владимир Анчиков** 8

Китай и Африка: «взаимовыгодное» сотрудничество?.. **Гюлшан Джавадова** 10

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Феномен мультикультурализма и его последствия. **Интервью П. В. Осколкова газете Non Paper** 13

АКТУАЛЬНО

Реформа Шенгенской зоны: быть или не быть? **Екатерина Люляева** 17

«Исламское государство (запрещено на территории РФ): потух ли огонь войны?» **Оксана Тымченко** 19

АРХИВ ФМП

Впервые на ФМП: заседание ПА ОДКБ **Владимир Анчиков, Роберт Абоян** 22

NON PAPER

Главный редактор: **Анастасия Пушкарева**
Заместитель главного редактора: **Максим Мотин**
Художественный редактор: **Александра Войкова**
Куратор: **Алексей Валериевич Фененко**
Корректора: **Владимир Анчиков, Валерия Гороховская, Дарья Литвякова, Никита Немец, Софья Беркут**

Главы тематических отделов: **Даниил Юринский (МБ), Наталья Санникова (ИОВП), Оксана Тымченко (МО)**
Редакторы: **Алина Киселева, Ксения Калинина**
Журналисты: **Владимир Анчиков, Гюлшан Джавадова, Екатерина Люляева, Оксана Тымченко, Роберт Абоян, Юлия Мигалина, Юлия Хихленко**

Верстка: **Александра Войкова, Юлия Тарановская**
Обложка: **Полина Музалевская**

Фотографии: **фотоархив ФМП, личные фотоколлекции студентов, интернет-источники**

Дата издания: 20 октября 2021 г.

Присоединяйтесь к нашей группе ВКонтakte!
https://vk.com/nonpaper_official

Подписывайтесь на нас в Инстаграме!
[@non.paper](https://www.instagram.com/non.paper)

ОТ РЕДАКТОРА

На нашем YouTube-канале снова появится интервью с экспертом. Если тебя всегда интересовал феномен мультикультурализма и механизм его действия в современном мире, а также тебе давно хотелось спросить об этом П. В. Осколкова, мы сделали это для тебя. Тебе осталось только подписаться на аккаунт Non Paper и поставить оповещение об обновлениях, чтобы точно ничего не пропустить.

Пришло время прощаться, переворачивать страничку и погружаться в удивительный мир международных отношений. Мы желаем тебе больших успехов и ярких побед. Пусть все твои цели максимально быстро и правильно реализуются. Помни, что ты можешь все, и не бойся рисковать. Ты справишься!

Carpe diem,
Анастасия Пушкарева,
главный редактор «Non Paper»

Дорогой читатель!

Спасибо, что остаешься с нами и с нетерпением ждешь каждый выпуск. Сейчас мы стараемся не только готовить актуальные аналитические и информационные материалы для тебя, но и устраивать полезные и интересные мероприятия. Совсем недавно мы прослушали необычную и очень содержательную лекцию о политических сюжетах в искусстве от заместителя программного директора Форума молодых политологов России «Дигория» Артемия Атаманенко в рамках «Знакомства с Non Paper». Надеемся, что ты присоединишься к нам в следующий раз, помотришь на политику с другой стороны и заново вдохновишься на исследование всего ее многообразия вместе с нами. Если у тебя есть идеи по нашему развитию, пиши о них в личные сообщения группы газеты во ВКонтакте. Мы будем рады не только услышать твое мнение, но и познакомиться с тобой поближе!

Сейчас в твоих руках то, над чем мы работали в течение целого месяца — September 2021. В этот раз он получился не таким большим, как обычно, но мы постарались сделать статьи максимально полезными для тебя. Актуальные события со всех уголков мира, от Африки до Европы, сложились в один классный выпуск, чтобы помочь тебе глубже погрузиться в международные отношения. Наша команда надеется, что какой-то из материалов максимально откликнется тебе! Будет здорово, если ты поделишься своими мыслями о нем в специальном обсуждении в группе Non Paper во ВКонтакте.

Ультраконсерваторы у власти: чего ждать от нового президента Исламской Республики?

Председатель Верховного суда Ирана Ибрагим Раиси, получивший в президентской гонке почти 62 процента голосов избирателей, 18 июля 2021 г. был избран новым президентом страны. Как восприняли победу в странах Европы, в США, в России и как приход к власти ультраконсервативного политика повлияет на стратегию государства на международной арене и ситуацию в регионе в целом?

В Исламской Республике 18 июля прошли выборы, на которых победу одержал ультраконсерватор, сторонник жесткой линии в диалоге с Западом, бывший глава Верховного суда — Ибрахим Раиси. В ходе предвыборной кампании он заявлял о борьбе против коррупции, желании «построить народное правительство ради сильного Ирана» и разрешить вопрос по ядерной сделке.

Ибрахим Раиси обладает поддержкой Корпуса стражей исламской революции (КСИР), а меджлис и судебная власть сейчас находятся [под контролем](#) консерваторов, что, соответственно, дает относительную свободу действий новому руководству.

Стоит сказать, что это вторая попытка Ибрахима Раиси баллотироваться на пост президента. В прошлые выборы 2017 г. он [проиграл](#) действующему на тот момент президенту Хасану Рухани.

По данным штаба по проведению выборов, Раиси набрал порядка 62,2 процента голосов. На втором месте [оказался](#) бывший глава Корпуса стражей исламской революции (КСИР) Мохсен Резаи. Прошедшие выборы были отмечены несколькими моментами. Во-первых, некоторые эксперты считают, что Ибрахим Раиси рас-

сматривается не только как президент, но и как потенциальный преемник самого Верховного лидера Али Хаменеи. Во-вторых, создало напряженность и то, что бескомпромиссный Корпус стражей за несколько дней до выборов дисквалифицировал нескольких видных умеренных и реформистских кандидатов. В ответ диссиденты и некоторые реформисты призвали избирателей бойкотировать голосование, жалуюсь на то, что процесс был спроектирован таким образом, чтобы у Раиси не было серьезной конкуренции. Стоит отметить, что действующий режим приложил все усилия для обеспечения высокой явки на выборах. Для этого действующий Верховный лидер Аятолла Али Хаменеи объявил голосование религиозной обязанностью, однако все равно появлялись данные, что это действие не помогло, и должного процента явки достичь не удалось. В истории страны явка на эти выборы, наоборот, оказалась рекордно низкой, из-за чего и пошел слух, что сами результаты выборов в итоге были сфальсифицированы. Ряд экспертов уже выразили мнение, что это были «выборы без выбора». Так это или нет, останется загадкой, но что действительно имеет значение, так это реакция международного сообщества. Стоит сказать, что несмотря на то что на церемонии инаугурации присутствовали более 100 официальных лиц из 73 стран и представители генерального секретаря

ООН, отношения Ирана с другими странами складываются не всегда в позитивном ключе.

Наибольшие противоречия наблюдаются в отношениях Ирана и США. Сам Ибрахим Раиси с 2019 г. находится под американскими [санкциями](#) по обвинению в участии в массовых казнях оппозиционеров в конце 1980-х. В своих первых выступлениях Ибрахим Раиси показывает, что несмотря на то что он придерживается жесткого подхода по отношению к США, он занимает конструктивную позицию на переговорах, готов к диалогу с Западом и хочет мирного сосуществования. Важной задачей является решение вопроса, касаемо Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), возобновление которого положило бы конец бесконечным американским санкциям, наложенным бывшим Президентом США Дональдом Трампом после его выхода из ядерной сделки в 2018 г. Любые переговоры между США с Исламской Республикой должны основываться на том, что долгосрочные интересы американского и иранского народов могут быть достигнуты только с помощью современной демократии, а внутренние проблемы Ирана могут быть решены только на основе [национального согласия](#). Как только США начнут снимать санкции, Иран также начнет выполнять условия. Однако в целом, учитывая жесткую позицию Ибрахи́ма Раиси по отношению к США, факт того, что он сам подвергается американским санкциям, а также то, что Ибрахим Раиси еще в феврале 2020 г. пообещал «очистить» Ближний Восток от американского присутствия после убийства иранского генерала Касема Сулеймани в ходе операции США, будущее отношений между двумя странами не внушает оптимизма.

Глава оборонного ведомства Израиля Бенни Ганц [заявил](#), что Иран остается источником нестабильности на Ближнем Востоке, даже несмотря на то что Ибрахим Раиси, как и его предшественник Хасан Рухани, будет продолжать делать упор на улучшение отношений со странами Персидского залива и Турцией. К тому же на пресс-конференции Ибрахим Раиси сделал акцент на переговорах с Саудовской Аравией, задав конструктивный тон для дальнейших усилий и целей, достигнуть которые будет непросто из-за поддержки Ираном шиитских группировок и из-за его ракетной программы.

В Европе же выборы и вовсе остались незамеченными. Ни один из европейских лидеров не поздравил Ибрахи́ма Раиси, а верховный представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель лишь упомянул результаты выборов в своём выступлении во время встречи министров иностранных дел Европейского Союза и [выразил](#) надежду, что новая администрация будет привержена делу возврата СВПД.

Для европейцев этот вопрос является как нельзя актуальным, поскольку санкции США хоть и направлены, прежде всего, против Ирана, страдает от них не только Исламская Республика, но и Европа, которая вынуждена прибегать к созданию альтернативных систем вза-

имодействий с Исламской Республикой по типу механизма поддержки торговых обменов «INSTEX» или же швейцарского механизма гуманитарных сделок с Ираном SHTA для преодоления экстерриториальных санкций. Поэтому, несмотря на неосвещенную смену власти, страны Европы, прежде всего Франция и Германия, являются одними из самых заинтересованных субъектов в решении вопроса ядерной программы Ирана и установлении со страной долгосрочных отношений.

Что касается нашей страны, то Ибрахим Раиси еще до своей победы [заявлял](#), что на отношения Исламской Республики с Россией выборы никакого влияния не окажут. Стоит напомнить, что местами отношения двух стран носят лишь характер ситуативного взаимодействия. Так, интересы Ирана и России в Сирии совпадают тоже только до определенной черты. Однако Россия имеет некоторые точки соприкосновения с Ираном, ведется работа над крупными инфраструктурными проектами, в том числе и строительстве и эксплуатации атомной электростанции «Бушер». Москва и Тегеран подтвердили приверженность развитию многопланового и взаимовыгодного сотрудничества, в том числе реализация крупных совместных торгово-экономических проектов. Также лидеры двух стран выразили готовность содействовать установлению мира и стабильности в Афганистане. В связи с эпидемиологической ситуацией в мире между странами ведется активное сотрудничество в области здравоохранения и борьбы с распространением коронавирусной инфекции, поэтому вполне логично говорить, что сотрудничество между двумя странами никуда не денется, а лишь будет крепнуть и развиваться, несмотря на приход к власти в Иране ультраконсерваторов.

Таким образом, одной из основных задач, стоящих перед новым руководством Ирана, является решение вопроса ядерной сделки и как можно скорейший выход из-под американских санкций, которые наносят значительный ущерб экономике страны. В остальном же, изменений во внешней политике государства ждать не следует, поскольку стратегические направления внешней политики определяются Верховным лидером, а не Президентом. У политики лишь появилось новое лицо ультраконсервативных взглядов, поддержанное Корпусом стражей исламской революции (КСИР), которое уже пророчат в преемники Верховному лидеру аятолле Хаменеи.

Юлия Мигалина

США: «Роу против Уэйда» 2.0

Проблема искусственного прерывания беременности и права женщины на принятие самостоятельного решения об аборте — острый вопрос и предмет полемики во многих странах мира. Противостояние личных прав человека и политической идеологии вкупе с религиозными догмами не обошло стороной и демократические Соединенные Штаты Америки, где в [сентябре 2021 г.](#) вступил в силу «Акт о сердцебиении» — закон, полностью запрещающий прерывание беременности. В нашей статье мы рассмотрим бурную общественную реакцию, вызванную этой противоречивой юридической инициативой, а также проанализируем эффективность подобного акта для демографической политики государства.

На данный момент в либерально-демократических странах заметно снижение коэффициента рождаемости, что обусловлено ухудшением экономической ситуации и кризисом системы здравоохранения в силу распространения COVID-19, что, скорее всего, [оказало влияние](#) на решение женщин о прерывании беременности. Также семьи в целом стали более осознанными: теперь вопрос зачатия поднимается после того, как родители могут обеспечить финансовую стабильность. Эта осознанность происходит из-за государственной идеологии — индивидуализма, по которому человек сам решает, как ему обращаться со своим организмом и жизнью.

Для того чтобы глубже разобрать проблему прерывания беременности в США и провести анализ государственной политики в сфере здравоохранения, стоит обратиться к истории. Впервые вопрос легализации аборт был поднят в 1969 г. в ходе знаменитого дела «Роу против Рейда»: Норма Маккорви, забеременевшая в результате изнасилования, попыталась защитить свои права, обратившись в полицию. Однако ее доводы не показались местным властям вескими для разрешения аборта. В итоге девушке пришлось прибегнуть к незаконному прерыванию беременности, а дальнейшее судебное разбирательство по этому делу [привело](#) к принятию нового закона, предусматривающего полное право женщины на прерывание беременности до момента автономности плода, наступающего примерно на 28 неделе.

Несмотря на существование этого решения Верховного суда США, штаты обладают определенной самостоятельностью в адаптации законодательных актов под свои политические и социальные реалии. Во многих субъектах Америки на данный момент женщины вынуждены сталкиваться с ограничением их прав: в Аризоне и Южной Дакоте, например, запрещены аборты даже в случае предположительного наличия генетических отклонений; в Арканзасе и Техасе прерывание беременности [исключено](#) во всех случаях, что наносит ущерб жертвам изнасилования, не имеющим возможности «смыть с себя» травмирующий эпизод их жизни. Такое жесткое ограничение приведет к катастрофе, так как это вмешательство государства в биологическую жизнь не может пройти бесследно. Вероятно, возникновение ситуации наподобие 1950-х гг. в СССР: в это время было зафиксировано 1 млн. абортов, из которых [90 процентов](#) криминальные.

Жесткая позиция местных властей в США вызвала бурную реакцию по всему миру. В первую очередь стоит отметить позицию Европейского Суда по правам человека, расценивающего подобные ограничительные меры как серьезное нарушение прав человека. Кроме того, на всей территории США 2 октября 2021 г. [прошли марши](#) с участием десятков тысяч человек в поддержку прав женщин на аборты. Президент США Джо Байден раскритиковал решение Верховного суда США по принятому закону — назвал это решение «беспрецедентным посягательством

на конституционные права женщин». Он [поручил](#) Совету по гендерной политике изучить, какие шаги может предпринять федеральное правительство, чтобы обеспечить жительницам Техаса «доступ к безопасным и законным абортам». Также необходимо отметить, что исполнительный директор группы поддержки абортотворного фонда Лилиит Аманда Уильямс, [считает](#), что процесс осуществления права на аборт станет намного сложнее. Подавляющее большинство членов общества высказалось против такого закона. Анализируя вышесказанное, можно заметить отсутствие поддержки данного законопроекта со стороны общественности.

Полемика, возникшая вокруг проблемы прерывания беременности, обусловлена не только общей обеспокоенностью государства демографическим упадком, но и традиционным идеологическим противостоянием политических партий. С одной стороны, США обладают статусом представителя либеральной демократии, сторонником «гуманитарных» интервенций для защиты прав гражданского населения в условиях конфликта, а также одним из источников распространения либеральных ценностей. Действительно, Соединенные Штаты часто противопоставляются идеологии коллективизма и традиционализма, характерной для восточных государств. Именно в США мы [можем наблюдать](#) наибольшее количество демонстраций и акций протеста против нарушений прав человека (например, активная деятельность движения «Black Lives Matter» в 2020 г.). С другой стороны, не стоит забывать о существующем противоречии между республиканцами — приверженцами консервативных взглядов на права человека — и демократами, склонными к поддержке либеральной идеологии в вопросах гендерного, расового и социального равенства.

Сложность заключается в невозможности создания общей политической линии государства в вопросе прерывания беременности: Дональд Трамп, находившийся у власти в 2016–2020 гг., вел традиционную для республиканцев политику: он выступал за запрет абортов, однако допускал определенные исключения (например, изнасилование, защиту жизни матери в случае возникновения генетических отклонений у плода). Джозеф Байден, пришедший к власти в 2020 г., обозначил свою позицию достаточно четко: права женщин должны быть защищены, а аборты легализованы. Таким образом, традиционно республиканские штаты не меняют свое законодательство, обладая автономией от решений президента и понимая, что есть вероятность очередной победы республиканцев на будущих выборах.

На фоне подобного демографического упадка перед западными государствами встает вопрос: «каким образом справиться с ситуацией и избежать старения населения и сокращения работоспособного населения в будущем?» Одним из вариантов стратегий является социальная помощь: стимулирование рождаемости посредством ежемесячных выплат, индексирования материнского капитала, ежемесячных пособий по уходу за ребенком до полутора лет и ежемесячной выплаты на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно. Подобные

меры активно применяются в Российской Федерации и имеют положительные результаты: прирост рождаемости составил [7,5 процентов](#).

Еще одним вариантом может быть частичное ограничение условий для искусственного прерывания беременности — эту политику мы можем наблюдать на примере США. Анализируя демографическую статистику, можно сделать вывод, что ограничение права на аборт не способствует росту рождаемости, так как невозможность управлять своим организмом и процессами, происходящими в нем, оказывает сильнейшее психологическое давление на женщину. Для нее вынашивание плода, зачатого в ходе изнасилования, может стать причиной психических расстройств и возникновения неприязни и ненависти к ребенку — так как изнасилование в целом является травмирующим процессом, а малыш будет напоминать о случившемся. Кроме того, если жизнь женщины поставлена под угрозу, то она может и не выносить этого ребенка, так как организм находится в стрессе и вероятность отторжения плода высока. При этом могут развиваться множество психических заболеваний: например, депрессия, в результате которой эмбрион не будет получать достаточное количество кислорода и питательных веществ из-за общего упадка здоровья матери, ее апатичности.

Ограничение права на аборт может теоретически привести к положительным для государства результатам: граждане, осознавая недоступность медицинского прерывания беременности, станут ответственно подходить к формированию семьи, здраво оценивать свои финансовые возможности. Кроме того, подобная инициатива может возродить семейные ценности, уступившие место индивидуализму в западных демократиях. Однако ограничение права на аборт должно сопровождаться эффективной государственной политикой в социальной и экономической сферах: необходимо обеспечить стабильность и уверенность в завтрашнем дне для потенциальных родителей, просвещать население при помощи введения уроков (образовательных программ по данной тематике) полового воспитания, а также обеспечить эффективные превентивные меры для случаев изнасилований (активный полицейский контроль).

Подводя итог, стоит подчеркнуть необходимость принятия государственных мер со стороны правительства США, также конструировать эффективную стратегию для урегулирования проблемы прерывания беременности в Америке. Государство должно учитывать не только национальные интересы и свое естественное стремление к преодолению дефицита рождаемости, но и последствия, которые могут быть травмирующими для женщины, ограниченной в правах на собственный организм. Для успешного урегулирования демографического кризиса государство должно создать благоприятные условия для беременных женщин и обеспечить защиту их прав во всех сферах жизнедеятельности.

Frexit — неизбежная реальность или иллюзия?

Становление Европейского Союза заняло практически полвека. Взаимоотношения между странами-участницами этого объединения развиваются непросто на протяжении десятилетий. Так, ЕС и Великобритания, бывшая участница союза, не могли найти общий язык с самого начала. Вступление новых членов в объединение в XXI веке также привело к появлению ряда противоречий. Одним из гарантов существования Европейского Союза является Франция. Эта страна внесла определяющий вклад в процесс создания общеевропейского объединения. Могут ли события внутри Франции и рост евроскептических настроений в стране привести к ее выходу из ЕС? На этот вопрос мы постараемся ответить в данной статье.

Прежде чем перейти к рассмотрению ситуации во Франции, давайте обратимся к примеру Brexit. Что стало причинами, на первый взгляд, неожиданного выхода Великобритании из ЕС? В 1960 г. Соединенное королевство основало Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ), которая в полной мере не отвечала интересам страны. Неэффективность ассоциации подтолкнула Великобританию к вступлению в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), учрежденное в 1957 г. Францией, ФРГ и странами Бенилюкса. Интеграция Соединенного королевства в ЕЭС оценивалась населением страны неоднозначно. Ряд экономических и финансовых реформ сообщества, его вмешательство в политическую и правовую системы Великобритании привели к тому, что британцы начали сомневаться в правильности выбранного пути.

В 1992 г. был подписан Маастрихтский договор, который заменил ЕЭС Европейским Союзом. Новое объединение включило в свою компетенцию ряд политических функций британского государства, что вызывало недовольство внутри Великобритании. Она отказалась стать частью зон Шенгена и Евро, не желая дальнейшего вмешательства ЕС в свои внутренние дела. Со вре-

менем противоречия между Британией и Европейским Союзом становились острее. Усугублению кризиса способствовали миграционный вопрос, неравномерность взносов членов ЕС в бюджет объединения, культурные и правовые различия. В 2016 г. в Британии был проведен референдум по вопросу выхода страны из Евросоюза, на котором с небольшим преимуществом победили сторонники отделения. 31 января 2020 г. Великобритания официально покинула Европейский Союз.

Теперь давайте обратимся к ситуации во Франции. Эта страна была одной из основательниц ЕЭС, прообраза Европейского Союза. Франция исторически связана с европейским регионом сильнее, чем Великобритания. На протяжении истории ее экономические и культурные отношения со странами Европы отличались устойчивостью. Французской Республике, как и большинству европейских государств, присуще континентальное мышление. Несмотря на это, именно во Франции популярны евроскептические настроения. По данным 2016 г. всего 38 процентов французов положительно [оценивали](#) деятельность ЕС. На президентских выборах 2017 г. из 11 кандидатов на пост главы государства семь являлись сторонниками отделения Франции от Евро-

пейского Союза. В их числе — Мари Ле Пен, [преодолевшая](#) во втором туре планку в 33,9 процентов. Это свидетельствовало о том, что евроскептики перестали быть маргинальной группой. Поэтому вопрос о реформировании ЕС и, возможно, выходе из него ряда членов сегодня крайне актуален.

Рассмотрим подробнее президентские выборы во Франции 2017 г. Основным оппозиционным кандидатом, выступавшим за выход из Евросоюза, была Мари Ле Пен, лидер Национального фронта. В случае своей победы она обещала провести референдум по выходу из ЕС в течение полугода. Для нее это был вопрос возвращения Франции суверенитета. Если бы Брюссель отказался идти на уступки, в частности, по вопросу налогообложения в странах объединения, то Франция сочла бы необходимым покинуть Евросоюз. Мари Ле Пен также заявляла, что без Франции объединение не сможет функционировать, поскольку большая часть расходов Европейского Союза приходилась именно на французское государство. Ле Пен выступала за снятие санкций с России, которые наносят значительный ущерб экономике Франции.

Стоит отметить, что во время предвыборной гонки 2017 г. нынешний президент Франции Эммануэль Макрон также играл на евроскептических настроениях. Он говорил о важности реформирования Евросоюза, в ином случае, Frexit он считал неизбежным.

На президентство Эммануэля Макрона оказало достаточное влияние протестное движение «желтых жилетов». В 2018 г. правительство Франции приняло решение продолжить политику «жесткой экономии» из-за нехватки средств. Это вызывало недовольство населения и спровоцировало протесты. Требования протестующих граждан вышли за рамки изначального спора по фискальной политике. В контексте нашей статьи важно отметить, что [звучали](#) призывы покинуть Европейский Союз и восстановить франк в качестве национальной валюты. Это тревожный показатель. Часть населения Франции твердо убеждена, что именно членство в Евросоюзе препятствует экономическому росту страны.

В период президентских выборов 2017 г. наблюдалась также одна интересная тенденция. Победа Дональда Трампа в 2016 г. в США привела к активизации правоориентированных европейских политиков. Отход Трампа от политики мультикультурализма и глобализма нашел отклик в странах Европы. Сторонники сокращения притока эмигрантов в регион и выхода своих стран из Евросоюза надеялись на развитие схожего с американским сюжета. В частности, поэтому Мари Ле Пен на выборах 2017 г. открыто критиковала концепцию единой Европы.

На фоне роста евроскептических настроений прошли также выборы в Европарламент в 2019 г. Мари Ле Пен пошла на эти выборы, чтобы превратить их в своеобразный референдум против политики Макрона. Протесты «жёлтых жилетов» явно указали на наличие проблем во внутренней политике французского правительства.

Для выборов в Европарламент 2019 г. было характерно укрепление позиций евроскептиков и сторонников курса Ле Пен. В итоге партия Мари Ле Пен [получила](#) 23,3 процента голосов, опередив коалицию центристов, ядром которой была партия президента Эммануэля Макрона.

Что можно ожидать от президентских выборов во Франции в 2022 г.? Пандемия коронавируса показала, что Европа не является образцовым регионом, способным проводить эффективную политику в сфере здравоохранения. Предприятий по изготовлению средств индивидуальной защиты практически не осталось. Подавляющая часть компонентов для изготовления лекарств производится не в Европе. В этом многие склонны винить политику Евросоюза, которая была направлена на оптимизацию медицинских расходов. Финансовая помощь, выделенная гражданам, крайне низкая и [составила](#) около 300 млрд. евро. В США, для сравнения, на нее приходится порядка 5 трлн. долларов. На контрасте можно проследить развитие ситуации в Великобритании. Программа вакцинации и финансовая помощь населению в Соединенном Королевстве оказались гораздо эффективнее. Франция действительно может задуматься о выходе из Евросоюза, наблюдая подобную тенденцию.

Мари Ле Пен, которая на выборах 2022 г. может стать одним из вероятных лидеров гонки, продолжает свою правую политику. В частности, она [обещает](#) провести референдум по вопросу о контроле над мигрантами. Ле Пен называет ЕС искусственной конструкцией и [считает](#), что вместо нее необходимо создать «Европу наций». Это объединение будет основано на взаимном уважении национальных особенностей и независимости.

Подводя итог, можно сказать, что Франция действительно находится на распутье. У нее перед глазами пример Великобритании, которая покинула Европейский Союз и успешно справляется с вызовами пандемии коронавируса. Франция тесно связана со странами-членами ЕС, что оказывает негативное влияние на экономику страны. Ей сложно находиться в окружении других континентальных европейских государств. Однако сможет ли Германия в одиночку поддерживать функционирование Европейского Союза — сложный вопрос. Решение проблемы Frexit будет во многом зависеть от результатов президентских выборов во Франции в 2022 г.

Владимир Анчиков

Китай и Африка: «взаимовыгодное» сотрудничество?..

Китай стремительно наращивает свое присутствие в Африке. Он укрепляет влияние как в богатых ресурсами, так и непривлекательных со стратегической точки зрения странах. С одной стороны, рост вложений Пекина способствует экономическому росту в регионе. Однако, с другой стороны, эксперты обвиняют Китай в неокOLONIALИЗМЕ, утверждая, что он преследует корыстные цели. Ряд африканских стран теперь вынуждены выплачивать долги Поднебесной. Кто несет ответственность за сложившуюся ситуацию? И поможет ли долговой мораторий восстановить силы государствам Африки для борьбы с COVID-19?

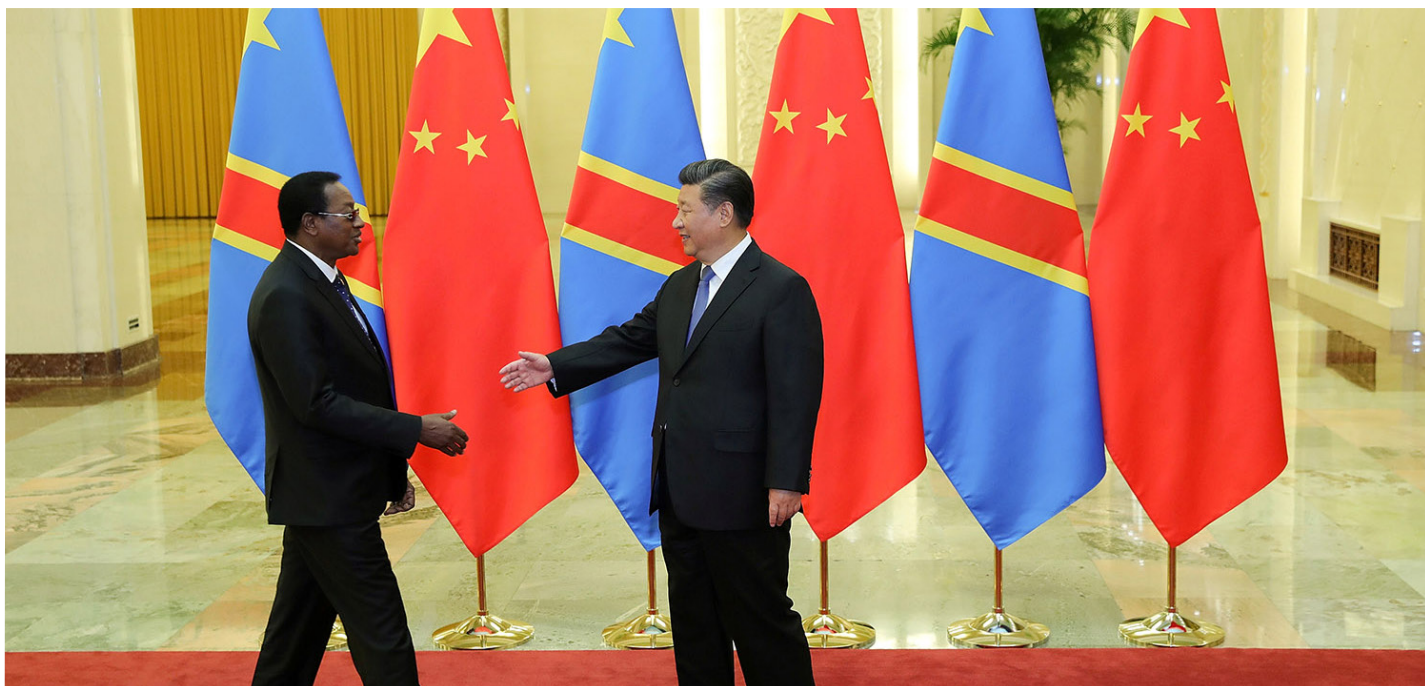
В начале XXI в. Китай выдвинул два проекта, которые служат обоснованием китайской экономической и политической активностей в Африке. Эти инициативы — «Форум сотрудничества Китай-Африка» и «Морской Шелковый путь XXI в.» — были разработаны в рамках направления «Один пояс — один путь». Как [заявил](#) министр иностранных дел и сотрудничества ЮАР Майте Нкоана-Машабане, китайские проекты перекликаются с Программой инфраструктурного развития Африки (Programme for Infrastructure Development in Africa). В 2006 г. китайско-африканская программа «Форум сотрудничества Китай-Африка» [вступила](#) в новую стадию, положив начало масштабным китайским инвестициям в африканский регион.

В 2009 г. Китай обошел США, став главным торговым партнером Африки. Объем китайско-африканской торговли неуклонно рос. Ожидалось, что в 2015 г. он составит 300 млрд долларов (в 2000 г. — 11 млрд долларов). Однако в результате падения цен на главный экспортный товар — нефть — торговые отношения столкнулись с резким снижением оборота, составившего лишь 147,6 млрд долларов. В 2017 г. масштаб торговых операций вновь увеличился и составил 170 млрд долларов. Этому способствовал переход ряда африканских стран на юань в двусторонней торговле. Такая практи-

ка соответствует стратегии «win-win» — то есть она выгодна обеим сторонам, так как позволяет снизить зависимость расчетов от третьей стороны. Так, платежи в юанях за поставки углеводородов из Анголы в 2017 г. выросли на 22 процента. Особенностью торговли большинства африканских стран с Китаем является пассивный торговый баланс. В 2016 г. он составил лишь 35,4 млрд долларов. Тем не менее этот показатель остается в рамках нормы в отношении стран, обладающих сырьевыми богатствами (например, Ангола).

Последнее десятилетие Китай последовательно наращивает свое присутствие в Африке. Пекину удалось установить дипломатические отношения со странами, которые долгое время считали Тайвань единственным китайским государством, — Буркина-Фасо, Сан-Томе и Принсипи, Эсватини и Гамбией. Уже в 2013 г. Гамбия прекратила отношения с Тайванем и признала КНР. В 2016 г. Сан-Томе и Принсипи установили дипломатические отношения с Китаем. А в 2018 г. и Буркина-Фасо [заявила](#) о восстановлении дипломатических отношений. На данный момент Свазиленд остается единственной африканской страной, которая верна дружбе с Тайванем.

Китай лидирует по числу официальных визитов в страны Африки. Министр иностранных дел КНР начинает

каждый год с посещения государств африканского континента. Одновременно с этим Китай стремится укрепить дипломатические отношения с Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ). Дебора Бротингем, директор Китайско-африканской исследовательской инициативы (CARI) Школы международных исследований Университета Джона Хопкинса (SAIS) в Вашингтоне, [комментирует](#) : «Конечно, у ОАЭ есть нефть, но Руанда, Сенегал и Маврикий небогаты ресурсами, а значит, эти визиты не соответствуют интерпретации китайских интересов в Африке как “неоколониалистских”. Выбор стран демонстрирует стремление Китая приобрести друзей и влияние в Африке, позиционируя себя как партнера африканских стран в индустриализации». Достигнутые в ходе встреч договоренности подтверждают эту точку зрения. Например, с Руандой было подписано соглашение о займе в 126 млн долларов на проекты строительства двух дорог. А Сенегалу была обещана помощь в том, чтобы сделать приоритетным развитие промышленности и финансировать вторую фазу Специальной экономической зоны (СЭЗ) вблизи Дакара. В Маврикии еще в 1970 г. была создана СЭЗ, которая привлекала производителей из Гонконга и Тайваня. Этот шаг помог Маврикию диверсифицировать экономику.

В прессе основной целью визита называли реализацию инициативы «Один пояс — один путь», направленной на улучшение существующих и создание новых транспортных путей для развития торговых отношений между странами Центральной Азии, Европы и Африки. Кроме того, Пекину нужны союзники в противостоянии с США. В целом, такая внешнеполитическая деятельность отвечает и интересам Африканских стран, крайне заинтересованных в индустриализации.

Африка в долгах перед Китаем?

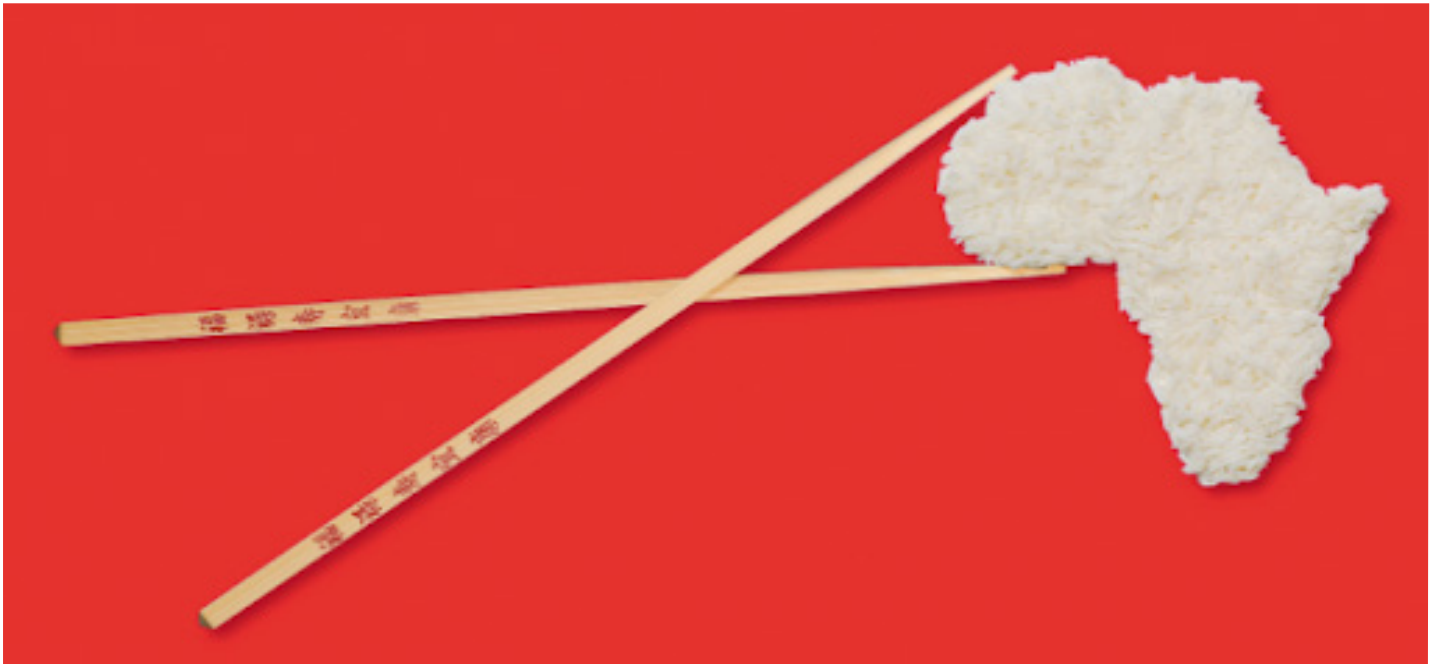
В апреле 2021 г. премьер-министр Эфиопии и лауреат Нобелевской премии мира Абий Ахмед [говорил](#) о том,

что властям Африканских государств ничего не остается, кроме как выбирать между выплатой долга и перенаправлением финансовых ресурсов «на спасение жизней и источников существования». По этой причине, как считает Ахмед, Эфиопии необходим мораторий на долговые выплаты чтобы сэкономить от 1,7 млрд до 3,5 млрд долларов для борьбы с COVID-19. А президент Южно-Африканской Республики Сирил Рамапоса во время видеоконференции с главами государств на юге Африки [заявил](#) : «Международный валютный фонд и Всемирный банк поддержали предложение ввести девятимесячный мораторий на выплату суверенных долгов и процентов по ним правительствами африканских стран, однако нам нужен мораторий на два года». Глава ЮАР также добавил, что пандемия COVID-19 грозит Африке серьезными экономическими и социальными потерями.

Африканский континент уже знает примеры успешного применения долгового моратория. Так, он помог улучшить экономическую ситуацию в Анголе, Чаде, Республике Конго, Мавритании, Судане. При этом, в сентябре 2021 г. Ангола заключила ряд соглашений с Китайским банком развития (CDB) и Экспортно-импортным банком Китая (EximBank) о смягчении долгового бремени на 6,2 млрд в течение ближайших 3-х лет.

Тем временем Замбия оказалась на грани дефолта по внешнему долгу, который составляет примерно половину ВВП страны. Африканская страна пропустила срок процентных выплат на сумму 42,5 млн долларов по облигациям, номинированным в долларах. В этой ситуации китайские кредиторы решили способствовать смягчению давления. Так, CDB заморозил проценты и основной долг на шесть месяцев. EximBank, в свою очередь, разрешил приостановить все выплаты по суверенным кредитам.

Сделка EximBank была скоординирована в рамках Debt Service Suspension Initiative (DSSI). Инициатива о замо-

раживании долга позволяет развивающимся странам сделать запрос на приостановление выплат по двустороннему долгу. Этот проект был одобрен «Большой двадцаткой». На сегодняшний день 31 страна Африки успела обратиться с запросами в рамках инициативы DSSI.

Около 70 процентов затрагиваемых Инициативой платежей — долги Китаю. На долю КНР сейчас приходится примерно 62 процента межгосударственной двусторонней задолженности Африканских стран. Это было вполне ожидаемо, поскольку после мирового финансового кризиса 2008 г. Китай постепенно наращивал прямое кредитование развивающимся странам. У 50 стран-получателей кредита средний объем долга перед КНР увеличился с менее чем 1 процента ВВП в 2005 г. до более 15 процентов в 2017 г.

Экономика Африканских стран подвергается серьезным рискам. Во-первых, китайские кредиторы предоставляют займы на более трудновыполнимых условиях, чем многосторонние банки. К примеру, сроки выплаты кредитов намного короче, а процентные ставки повышены. По этой причине в апреле 2020 г. президент Танзании Джон Магуфули [заявлял](#) об отмене проекта стоимостью 10 млрд долларов, который начал его предшественник, поскольку китайское финансирование было предоставлено на условиях, с которыми мог согласиться «только алкоголик».

Во-вторых, почти все программы двустороннего кредитования иницируются специализированными или государственными коммерческими банками, которые если и находятся под юрисдикцией правительства, то действуют при этом как юридически независимые структуры. Таким образом, китайские кредиторы могут потребовать залог по займам на развитие, и почти 60 процентов всей суммы предоставленных кредитов будут им обеспечены. То есть, если страна попросит смягчить долговую нагрузку,

китайские банки могут потребовать права на заложенные активы.

Кроме того, китайские кредиторы часто пересматривают условия суверенных кредитов в двустороннем порядке и в секрете. Так было с соглашением Замбии и банка CDB. Китайское правительство говорило о том, что возможность приостановить выплаты по обслуживанию долга была предоставлена «на добровольной основе и в соответствии с рыночными принципами».

Почему же Африканские страны обращаются за помощью именно к Китаю? Основная причина заключается в том, что у африканских стран нет доступа к международным рынкам капитала и банкам. Так, в 2017 г. на долю Парижского клуба приходилось только 5 процентов межгосударственных догов стран Африки южнее Сахары. Китайские кредиторы, в свою очередь, были готовы предоставлять кредиты, не требуя реформ в сфере государственного управления или введения мер по борьбе с коррупцией.

Долговой мораторий на время кризиса пандемии COVID-19 может предоставить бедным странам временную передышку, высвобождая средства для борьбы с пандемией. Тем не менее он не решит долговые проблемы этих стран. Напротив, окончание моратория может спровоцировать волну синхронных дефолтов, что потребует вмешательства МВФ и других международных организаций. Не стоит также забывать и о том, что две главные партии США сошлись во мнении о том, что нужно создать такую систему, которая сможет привлечь Китай к ответственности за его деструктивные приемы во внешней торговле.

Гюлшан Джавадова

Феномен мультикультурализма и его последствия. Интервью П.В. Осколкова газете Non Paper

В последнее десятилетие термин «мультикультурализм» стал очень популярным. Как за рубежом, так и в нашей стране идеи, основанные на этой концепции, звучат все громче. Вне всякого сомнения, в настоящее время он является цивилизационным вызовом. Несмотря на то, что мультикультурализм — мейнстримная политика во многих европейских странах, он все чаще подвергается критике. Чтобы более подробно познакомиться с этой темой мы поговорим с доцентом кафедры региональных проблем мировой политики, старшим преподавателем кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России и руководителем Центра этнополитических исследований Института Европы РАН Петром Викторовичем Осколковым.

Владимир: В чем заключается смысл понятия «мультикультурализм». Когда оно появилось?

П. В. Осколков: Для начала я бы хотел отметить, что ваша подводка меня несколько удивила. Мультикультурализм все чаще и чаще не звучит, а, наоборот, выходит из моды. То есть, говорить о мультикультурализме было модно примерно 10-15 лет назад. Я соглашусь со второй частью вашей подводки. Действительно, все громче слышна критика.

В целом, концепция мультикультурализма возникает в 60–70-ые гг. XX в. в Канаде. Изначально она была направлена на обеспечение совместного политического существования двух основных канадских этнокультурных общин, то есть франкоканадцев и англоканадцев. К эмигрантам из других стран он не имел никакого отношения. Но впоследствии он был перенесен на европейскую почву, где и приобрел нынешнее значение.

Теперь о значении понятия: на самом деле, это большой вопрос, который я часто себе задаю. Лично у

меня складывается впечатление, что те политики, которые призывали и призывают к этой концепции, и те, которые, наоборот, яростно мультикультурализм критикуют, не совсем точно понимают, что же это такое. Изначально это один из видов этнополитики, направленный на решение вопросов, связанных с этническими, религиозными и культурными меньшинствами. Он призван обеспечить их интеграцию в принимающее сообщество при сохранении формальной государственной поддержки их этнокультурных особенностей. То есть основную идею мультикультурализма можно очень кратко сформулировать в виде одной большой клумбы. Да, в ней огромное количество разных красивых цветов, но они все равно на одной клумбе, которая и олицетворяет принимающее сообщество.

Владимир: Очень хорошее сравнение. Мультикультурализм ведь изначально задумывался как альтернативный способ сплочения общества, чтобы избежать внутригосударственных разногласий. В чем преимущество этого способа гомогенизации общества перед традиционным?

П. В. Осколков: Вопрос в том, что есть традиционный способ гомогенизации. Ведь если мы посмотрим на многие существовавшие империи, то мы поймем, что гомогенизация проводилась очень мало где. Если вы имеете в виду этнокультурную ассимиляцию в принимающем сообществе, то преимущество мультикультурализма как идеи и принципа очевидно. По задумке авторов этой концепции, он призван предотвратить возможные конфликты, возникающие, когда меньшинство ассимилироваться не хочет. Это конфликт как с другой группой, так и с другой культурой. Одна из задумок была весьма благонамеренной и заключалась в предотвращении уничтожения, подавления каких-либо культур. Таким образом, мультикультурализм демонстрировал доброжелательность принимающего государства, доминирующей численно и политически этнической общности, и посредством этого он помогал стимулировать интеграцию. То есть, такая политика проводилась, чтобы прибывающие мигранты либо уже живущие автохтонные этнические сообщества оценили благонамеренный посыл государства и подумали: «Вы нам сделали хорошо, мы вам тоже сделаем хорошо — мы интегрируемся».

Владимир: Существует несколько моделей мультикультурализма. Можете, пожалуйста, подробнее о них рассказать?

П. В. Осколков: Моделей мультикультурализма не так много. Можно выделить как минимум две — мультикультурализм мягкий и мультикультурализм жесткий. Мягкий мультикультурализм подразумевает отсутствие ассимиляционных мер, то есть просто невмешательство. Жесткий мультикультурализм — это отсутствие ассимиляции и наличие стимулирующих мер. Еще стоит различать мультикультурность, как демографическую характеристику общества и мультикультурализм. Мультикультурность — это данность, это наличие различных культур в обществе, а мультикультурализм — это некая поведенческая этика.

Владимир: В каких государствах можно встретить примеры использования той или иной модели?

П. В. Осколков: Я бы сказал, что везде, где политика мультикультурализма звучала как применимый принцип. Если говорить о странах Западной и Северной Европы — везде применялся именно активный мультикультурализм, подразумевающий государственные меры, направленные на сохранение культуры и обеспечение культурных прав.

Владимир: В чем же заключается острота и востребованность идеи мультикультурализма?

П. В. Осколков: Острота любой концепции зависит от остроты того вызова, на которой она призвана дать ответ, и понятно, что вызов миграционный никуда не делся. Сложно сказать, что он нов для Европейского союза, так как сколько он и его предшественники существуют, столько в той или иной степени миграционная проблема стояла, но остроты самопознания этого факта не снимает — это во-первых. Во-вторых, идея мультикультурализма не нова. Другое дело, что она так не называлась. Можно говорить об определенной реализации этих идей во многих государствах, которые существовали задолго до современных стран-членов ЕС, поэтому новизна в том, что теоретики придумали красивое слово для обозначения уже существовавшего принципа. При этом каких-то базовых реферативных точек для понимания того, что такое мультикультурализм и как его понимать, интерпретировать, сформулировано для всех не было, поэтому в Германии, во Франции и в Австралии мы видим три разных мультикультурализма.

Говорить о каких-то четких моделях тоже нельзя, только о моделях национальных, т.е мы не можем различать универсальный мультикультурализм и разделять его на какие-то универсальные типы, лишь на национальные модели. Насчет остроты идей, как я уже в самом начале

сказал, сейчас уже немного поздно говорить об остроте мультикультурализма, потому что начало второго десятилетия XXI века — это период активной критики мультикультурализма и предложения других моделей. В 2010 г. Ангела Меркель говорит *Multikulturalität ist tot*. В 2011 г. за ней примерно то же самое повторяют Саркози, Кемерон и начинает более активно звучать и переходить в активное пространство модель ведущей культуры «*Leitkultur*», которую предложил еще в 1998 г. немецкий социолог сирийского происхождения Бассам Тиби. Модель ведущей культуры подразумевает своеобразную альтернативу современному пониманию мультикультурализма, которую социолог в чем-то основывал на германском опыте интеграции мигрантов: есть некая ведущая культура, нужно ее принимать с принципами лаицизма, соблюдением прав человека, демократии и так далее. То есть, на основе этой культуры при принятии ее как ведущей уже туда интегрировать какие-то элементы инокультурности. Таким образом, действительно можно было бы решить этот парадокс, потому что если какая-то культура подразумевает, допустим, женское обрезание, то государство по идее должно в том числе и эту культуру тоже поддерживать. Но не вступает ли это в противоречие с его же, государства, законами и принципами?

Владимир: Как коррелируются высказывания официальных лиц до и после кризиса и как они поменялись? Или они все остались на уровне слов?

П. В. Осколков: Высказывания на уровне слов остаются всегда, на то они и высказывания. Другое дело, изменилась ли как-то политика. Опять же, для всех сказать сложно, в каждой стране какие-то свои особенности и есть свои нюансы, но можно сказать, что в ряде стран, в частности, Великобритании, Нидерландах, политика ужесточилась, т. е. особенно это было связано с притоком на Ближний Восток *home-grown terrorists* — боевиков с бельгийскими, нидерландскими, французскими паспортами. Имею в виду прежде

всего годы расцвета Исламского государства* запрещенного в РФ.

Владимир: В дополнение к предыдущему вопросу: если мы говорим, что в некоторых государствах эта политика ужесточилась, в других, например, в Италии, правые политики делают акцент в своей политической программе на отказе от идей мультикультурализма. В чем проявляется сила этого обратного эффекта, т. е. некое отвержение обществом и представление их интересов через правых политиков?

П. В. Осколков: Популистские партии всегда ориентируются в своей программе на какие-то насущные проблемы, которые волнуют очень большой процент граждан по результатам опросов, и в этом нет ничего нового. Естественно, если популистский политик называет себя правым, то от него и его избиратели, и его соратники ожидают определенной критики инокультурной миграции. До упомянутых кризисных явлений это было в большей степени характерно для Западной Европы, потому что в странах бывшего Восточного блока такой роли в масштабе инокультурной миграции не играло, но после уже стало общеевропейскими универсальными явлениями. Действительно, многие избиратели стали голосовать за правые партии, ориентируясь на их антимигрантскую политику. На самом деле, они это делали всегда, сколько существовали, потому что вопрос был актуален практически всегда, сколько есть Европейское сообщество.

Владимир: Просто как обычно происходит: вопрос обострится, население на это реагирует и голосует за тех, кто предлагает альтернативную повестку.

П. В. Осколков: И уже кто должным образом, как того ожидают избиратели, отреагировал на запрос, тот и получает выгоду в виде голосов. Другое дело, что очень многие меры, которые правые предлагают, практически слабо осуществимы, но ведь главное же пообещать, а дальше как-нибудь разберемся.

Владимир: Вы сказали, что часть правых политиков в какой-то степени вынуждена критиковать идею мультикультурализма и иммигрантскую повестку современного ЕС, это так?

П. В. Осколков: Она вынуждена самим собственным позиционированием на партийно-идеологическом спектре. Такая уж их роль и этого от них ждут.

Владимир: Как Вы думаете, какое будущее ждет идею мультикультурализма конкретно в Европе? Вся ли Европа останется привержена этой идее или, скорее всего, часть постарается следовать, а часть откажется и будет двигаться в стороны правых, как например, Венгрия, Польша и Италия?

П. В. Осколков: А что вы подразумеваете под всей Европой? Европейские правительства, правительства стран-членов ЕС или что?

Владимир: Имею в виду правительства стран-членов ЕС.

П. В. Осколков: Потому что если какая-то партия находится в оппозиции, то она вполне может остро и злобно, часто справедливо, критиковать правительственные меры, но в таком случае, могу сказать, что вся Европа по определению не может сохранить эту идею, потому что далеко не во всей Европе она когда-либо была. Упомянутая Вами Польша, Венгрия, Словакия, их правящим политикам в страшном сне бы не приснилось, чтобы они официально декларировали политику мультикультурализма. Это не значит, что элементов мультикультурализма на практике в этих странах нет. Они есть и применяются не только и не столько к инокультурным мигрантам, сколько к собственным меньшинствам. Но на официальном уровне не думаю, что в Будапеште, Братиславе или Варшаве в ближайшее время с трибун прозвучат лозунги мультикультурализма. Там, где они звучат, опять же, они уже давно в таком прямом виде не оглашаются. Как мне представляется, что если говорить максимально обтекаемо, то отдельные элементы мультикультурной стратегии, модели ведущей культуры сохраняются, даже некоторые отдельные ассимиляционные практики. Собственно, сейчас это тоже некий микс и сложно сказать, что только одна модель применяется. Сохраняются элементы всех, может быть, изменится их баланс в чем-то. Станет меньше элементов мультикультурализма, больше элементов ведущей культуры, к примеру.

Владимир: Говоря про ЕС как общее целое, то есть страны, в которых больше одной и другой политики, существует какая-либо возможность, что это повлияет на политику ЕС в целом?

П. В. Осколков: Если Вы о возможных разногласиях между государствами и сложностях, которые из этого смогут возникнуть в принятии решения на наднациональном уровне, я не думаю. Другое дело, что в тех вопросах, которые непосредственно касаются регулирования общеевропейских вызовов относительно миграции, эти разногласия уже есть. Если вы помни-

те, были достаточно бурные обсуждения, связанные с миграционными квотами, которые распределялись по всем странам-членам ЕС, но, в общем-то, определенное яблоко раздора встало, по крайней мере, между Западной и Восточной Европами. Сейчас, как мне кажется, он уже менее актуален и хочется надеяться, что страны ЕС склонны искать общие пути решения насущных вопросов, чем возможности больше друга ущипнуть.

Владимир: Можно сделать вывод, что, в принципе, как любая концепция, идея мультикультурализма, так или иначе, устраивает страны, и на смену ей приходит что-то новое, происходит ревизия идей и берется самое лучшее и привносится в создающуюся идею.

П. В. Осколков: Пожалуй, соглашусь. Это судьба любой большой идеи. Со временем она становится менее модной. Ей на смену приходят какие-то другие идеи и модели, но при этом ее кусочки, элементы, остаются жить и воплощаться в повседневных практиках.

Благодарим Петра Викторовича за интервью!

Текстовую версию мы сильно сократили, поэтому обязательно посмотрите полную видеозапись на нашем Youtube-канале.

Интервьюер: **Владимир Анчиков.**

Подготовка интервью: **Анастасия Пушкарева, Гюлшан Джавадова, Милана Гоменюк.**

Расшифровка: **Роберт Абоян, Юлия Мигалина.**

Реформа Шенгенской зоны: быть или не быть?

Во второй половине XX в. мир столкнулся с невиданным доселе явлением — началом экономической, политической и культурной интеграции одного из самых богатых и влиятельных регионов мира — Европы: сначала Европейское объединение угля и стали, затем Европейский экономический союз, а после — детище Маастрихтского договора. Общий рынок, система безопасности и, что особенно интересно, общие открытые внутри и жесткие снаружи границы между участниками. Однако это было тогда, а сейчас Европейский союз сталкивается с серьезными вызовами нового времени, поэтому для многих становится очевидной необходимость серьезных изменений.

Великое герцогство Люксембург, деревня Шенген. В 1985 г. именно здесь, на схождении границ сразу трех стран, Франции, ФРГ и Люксембурга, было подписано соглашение, положившее начало формированию Шенгенской зоны. Стоит упомянуть, что подобная система отмены внутренних границ между государствами не была новшеством и уже действовала между странами Бенилюкса. Соглашение 1985 г. заработало лишь через десять лет, когда к нему присоединились Испания и Португалия, однако уже тогда Европа преобразовалась в нечто более цельное. В 1993 г. был подписан Маастрихтский договор, ставший точкой отсчета интеграционного объединения под названием Европейский союз.

Широкомасштабная свобода торговли, о которой помышляли фритрейдеры, наконец-то стала реальностью. Теперь передвижение товаров, услуг или рабочей силы не встречало тех препятствий, с которыми оно сталкивалось несколько десятилетий назад. Но разве это все, на что способна интеграция? В итоге свобода передвижения всех граждан внутри Европейского союза стала еще одной заветной целью. Основа уже была сформирована, оставалось только закончить процесс формирования пространства с отмененным пограничным контролем. Это и произошло в 1999 г. при подписании Амстердамского договора. Шенгенская зона, ранее существовавшая

отдельно от всего Европейского союза, теперь становилась частью его законодательства, сформировав новое особенное пространство, полноценных аналогов которому нет до сих пор.

В течение последующих десятилетий европейское пространство расширялось, в особенности за счет стран бывшего социалистического блока, желающих получить все привилегии членов Шенгена и Союза. Свобода передвижения в Европе является привлекательной для таких стран, как Исландия, Швейцария, Норвегия и Лихтенштейн, не входящих в Евросоюз, но пользующихся возможностями Шенгенской зоны. Сейчас в Шенген входят 26 государств. Достаточно серьезный показатель, однако потенциальное расширение оказывается замороженным на фоне тех европейских кризисов, с которыми пришлось столкнуться Европейскому Союзу за последние годы. И именно вопрос безопасности внешних границ является краеугольным камнем европейской политики.

На недавней парламентской сессии Европейской комиссии ее председатель Урсула фон дер Ляйен заявила о том, что недавний и еще не оконченный миграционный кризис на границах прибалтийских стран является не только очередной попыткой дестабилизации Европы, но и еще одним указанием на то, что необходимо заняться рефор-

мированием Шенгена. Ситуация, сложившаяся в результате ухудшения белорусско-литовских отношений, указывает на то, что система, выстроенная Шенгеном не всегда позволяет Европе справляться с вызовами нового времени.

О каких особенностях системного кризиса можно говорить сейчас? Основную проблему для Шенгенской зоны представляет собой не слабость внутреннего порядка, а проблемы, приходящие извне. На примере случившихся за последние годы миграционных кризисов можно говорить о неэффективности шенгенской системы и законодательства в тех случаях, когда заведомо более «слабые» члены Евросоюза не способны справиться с наплывами мигрантов. Это случилось в 2011 и в 2015 гг., и происходит сейчас с Прибалтикой. Нестабильность политической обстановки в Беларуси не позволяет прийти либо к консенсусу, либо к быстрому решению, точно так же как это случилось несколькими годами ранее с Турцией, [отказавшейся](#) быть пристанищем для мигрантов. И нынешняя ситуация говорит о том, что дальнейшие вызовы могут быть более опасными.

Кризис в Европе, который часто включает в себя сразу несколько проблемных аспектов, начал зарождаться в финансовой сфере с конца 2000-х гг. и [продолжился](#) возникновением спорных ситуаций на итальянской границе в 2011 г. Тогда, не дождавшись ответа от Брюсселя, Италия столкнулась с большим количеством мигрантов из Северной Африки и по закону стала выдавать им необходимые документы, позволяющие свободно перемещаться по территории Шенгена. Ситуация достигла критической отметки, поэтому Франция в ответ на действия Италии ввела серьезные ограничения на их общей границе, что в юридическом плане противоречило Шенгенскому законодательству, а в идеологическом — самой политике свободы передвижения. Внутренние границы должны оставаться прозрачными и не нарушать основных постулатов соглашения, поэтому любое изменение Шенгена в первую очередь должно будет коснуться усиления внешних рубежей.

Недавние заявления фон дер Ляйен не станут первыми в череде размышлений и планов европейских политиков по реформированию Шенгенской зоны. Первые мероприятия по ее укреплению были предприняты еще несколько лет назад, когда в политическом лексиконе вновь [появилось](#) такое понятие как «fortress Europe» (досл. крепость Европы). Таким образом, стремление обезопасить внешние границы нашло свое отражение в этом термине. Причем, исходя из тенденций современности, идея заключалась во внедрении, в первую очередь, электронных технологий, позволяющих более эффективно осуществлять пограничный контроль. Другим проявлением его ужесточения становятся системы «Eurosurg» (досл. Европейская система наблюдения за внешними границами) и «Smart boundaries» (досл. Умные границы). Первая обеспечивает оптимизацию системы пропуска иностранных лиц через границы, а вторая — борьбу с коррупцией на границах и уменьшение роли человеческого фактора.

Однако стремление к изменениям создает и вполне предсказуемые противоречия. В то время как Европейская комиссия заявляет о необходимости укрепления наднациональных институтов для полноценной и комплексной работы на границах, в самой Европе продолжают свою активность евроскептики. Скорее всего, можно говорить об усилении этого движения, особенно с учетом выхода из Союза Великобритании, которая изначально отказалась от вхождения в Шенгенскую зону и сохранила свой собственный пограничный контроль. Потеря одного из главных финансовых гигантов ЕС может создать не только опасный прецедент, но и ряд сложностей для дальнейших решений кризисных ситуаций. К тому же усиление наднациональных институтов подразумевает под собой еще одну стадию потери части национального суверенитета, что может быть воспринято рядом государств-членов Шенгена и Союза в весьма негативном ключе. Учитывать стоит и тот факт, что разочарование стран, вступивших в зону и Союз последними, растет. Они, в отличие от создателей интеграционной системы и зоны свободы передвижения, получили минимальные преимущества от своего вступления, экономически оставшись практически на том же уровне, что и раньше. В первую очередь, здесь идет речь о странах бывшего советского блока, а также некоторых других кризисных государствах, живущих на дотациях от более мощных экономически стран-участниц. Недовольство растет, поэтому исследователи уже давно [говорят](#) об усилении правого популизма в Европе.

Это может встать на пути тех реформ, которые задумало общеевропейское правительство, в том числе и повлиять на изменение Шенгена.

Миграционный кризис 2021 г. стал еще одним вызовом для Европейского союза, который вынужден был вновь реагировать быстро и исходя из ситуации. Нестабильная политическая обстановка на внешних границах, в данном случае связанная с Беларусью, возродила идеи о необходимости пересмотра Шенгенского законодательства и еще большего превращения Европы в крепость. Не стоит забывать и о летних событиях в Афганистане, которые, скорее всего, усилят поток нелегальных мигрантов. Тем не менее заявление главы Еврокомиссии о реформе — лишь первый шаг к началу реальных изменений, однако они, ввиду сложных внутренних противоречий, могут и не произойти. Определенных действий пока не предпринято и конкретного плана не предложено — только сказаны слова о необходимости защиты внешних рубежей. Скорее всего, можно говорить о ближайших мероприятиях по расширению законодательства, которое позволит держать границы Шенгенской зоны под контролем. Еще одним выходом становятся санкции против Беларуси, руководство которой своими действиями и создало необходимость возобновить разговоры о реформе. Тем не менее можно говорить о том, что, будучи гарантом всевозможных политических свобод, Европейский союз, а вместе с ним и Шенгенская зона, находятся на перепутье, правильный выход из которого станет залогом выживания всей системы.

«Исламское государство (запрещено на территории РФ): потух ли огонь войны?»

В эпоху цифровизации невозможно не заметить бесконечный поток информации, окружающий обывателей. Наряду с демотиваторами и мемами, в Вашей информационной ленте может оказаться очередной «агитационный» ролик Исламского Государства, запрещенного на территории РФ. Активизация деятельности ИГ, запрещенного на территории РФ, в последние годы заставила нас задуматься о трансформации методов пропаганды и ведения войны после падения идеи построения халифата военными методами. Как бойцы «черного флага» используют TikTok, выстраивают ячейки в Сахеле и привлекают европейцев на сторону джихада – все это Вы узнаете в нашей статье.

Исламское государство*, известное особо жестокими методами расправы с пленниками и журналистами, было формально побеждено в ходе антитеррористической кампании в Сирийской Арабской Республике в 2019 г. Однако за время своего короткого правления ДАИШ успел пустить корни в других государствах, надавив на внутренние противоречия, социально-экономические факторы, противоречивую политику местных политических лидеров. В своей речи на конференции «No money for terror» в 2018 г. президент Французской Республики Эммануэль Макрон подчеркнул, что внешнеполитическая стратегия Исламского Государства* заключается в дестабилизации и без того проблемных регионов Африки, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, а также в максимальном получении выгоды от противозаконной деятельности на территории позиционирования этих ячеек: монополизация наркотрафика, торговля оружием и людьми. Учитывая горькую славу ИГ* и особую любовь террористов к публичным казням, не сложно догадаться, что им без труда удастся доминировать на черном рынке и расширять свое влияние во всем мире. Странники группировки и на сегодняшний день не оставляют попыток возродить былой успех, активно занимаясь поиском потенциальных боевиков в сети «Интернет» (в том числе в игровом пространстве), а также рекрутируя европей-

ских женщин через социальные сети (конечно же, обещая богатство и теплое отношение).

Чтобы проанализировать современное положение Исламского Государства* на международной арене, стоит обратить внимание на историю возникновения этой террористической организации.

История «черных флагов».

ДАИШ зародился в Ираке в 1999 г. под названием «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад» (с араб. «Сообщество единобожия и джихада»). Основоположником радикальных идей был иорданец Ахмед Фадиль Халейла, известный под именем Абу Мусаб аз-Заркави. Основной целью создания подобного движения было установление исламского государства в Ираке. Аз-Заркави, преданный экстремистским идеям, в дальнейшем сыграл важнейшую роль в работе «Аль-Каиды» в Ираке. По мнению многих исследователей и политических деятелей, «Аль-Каида» смогла распространить свое влияние на территорию Ирака в результате несанкционированной Совбезом ООН интервенции Соединенных Штатов Америки и их союзников в 2003 г. для свержения режима Саддама Хусейна. Иракский правитель был обвинен в связях с террористическими организация-

ми, в использовании химического оружия и других преступлениях. Однако комиссия, созданная для мониторинга ситуации в Ираке, уже в 2004 г. выступила с заявлением об отсутствии следов химического оружия в Ираке. Таким образом, дестабилизирующая операция «Иракская свобода» привела не только к свержению Саддама Хусейна, но и к возникновению террористической группировки «Аль-Каида в Ираке», возглавляемой Аз-Заркави. Уже в 2006 г. иракское крыло «Аль-Каиды» объединилось с другими группировками и стало «Исламским государством Ирак». Интервенция в Ирак стала отправной точкой интернационализации экстремизма, именно в период вмешательства американцев радикалы занялись созданием ячеек, разрабатывали планы по введению своих боевых подразделений в другие страны региона, а также рекрутировали иностранных боевиков. Аз-Заркави, сотрудничая с Усамой бен Ладеном (лидером «Аль-Каиды», обвиненным в организации серии терактов 11 сентября 2001 г. и ликвидированным в 2011 г. американскими спецслужбами в Пакистане), применял стандартные для АК методы борьбы с западными «кафирами» - под его руководством были совершены теракты против мирного населения: например, взрыв иорданского посольства в Багдаде, подрыв шиитской мечети Имама Али в Эн-Наджафе (известна также как «Могилы Али») и многочисленные убийства меньших масштабов. Аз-Заркави пользовался «шахидомобилями», самодельной взрывчаткой, а также распространял видео с публичными казнями журналистов и других заложников. Например, на печально известном видео с казнью американского журналиста Николаса Берга Абу Мусаб аз-Заркави лично обезглавил заложника.

Очевидно, что вторжение в Ирак стало большой ошибкой для Соединенных Штатов. В первую очередь, США потеряли свой статус защитника демократических свобод и прав человека, проведя операцию без согласия Совета Безопасности ООН (РФ, КНР и Франция выразили недоверие инициативе США, оценив перспективы подобной операции и сомневаясь в реальности обвинений США в сторону Саддама Хусейна). Более 30 миллионов человек по всему миру вышли на улицы, чтобы продемонстрировать осуждение действий Штатов в Ираке. Одной из причин подобного протеста было бесконтрольное применение насильственных методов в отношении мирного населения (применение белого фосфора во Второй битве за Фаллужу, в ходе которой пострадали мирные жители; пытки в тюрьме «Абу-Грейб»; совершение насильственных действий в отношении несовершеннолетних - групповое изнасилование Абир Кассим Хамза аль-Джаноби, в результате которого тело девушки сожгли, чтобы скрыть преступление).

Что мы знаем об Исламском государстве?

На пике своей экспансии Исламское Государство Ирака и Леванта* обладало колоссальной ресурсной базой и военно-политической мощью на подконтрольных территориях. Именно 2014 г. стал знаковым для ИГ* по нескольким причинам. Во-первых, террористическая группировка обрела свободу рук, так как разорвала отношения с бывшим партнером — «Аль-Каидой» (кроме того, ИГ* боролся с сирийским отделением «Аль-Каиды» — «Фронтом

Ан-Нусра»). Во-вторых, 2014 г. ознаменовался наступательными операциями со стороны террористов и захватом значительных территорий Сирии, а также провозглашением «халифата» и «ребрендингом»: террористы объявили установление «халифата» на подконтрольных территориях и отбросили устаревшую привязку к географическому положению, не желая ограничиваться привычным регионом – ИГИЛ* превратился в Исламское государство*. Подобная формулировка названия вызвала поток критики со стороны мусульман всего мира, так как создавала негативный стереотип о связи определенной религии и массовых убийств в политических целях.

В ходе последующих лет и военных кампаний антитеррористической коалиции большая часть территорий Сирии и Ирака была освобождена от радикальных исламистов. Однако не стоит забывать, что девизом ИГ* является фраза, означающая «Сохраниться и расширяться». Благодаря своим чрезвычайно жестоким методам обращения с местным населением (в особенности с представителями других конфессий, например, езидами), публичности и готовности выйти в открытое пространство сети «Интернет» для демонстрации массовых казней и убийств журналистов террористы ИГ* получили всемирную известность. Организация крупных терактов в европейских государствах после начала миграционного кризиса 2015 г. подпитывала дурную славу группировки, так как террористы были готовы взять на себя ответственность за любой теракт для устрашения населения и демонстрации превосходства над национальными армиями Европы и мира в целом. Так, например, ИГ* взяло на себя ответственность за серию терактов в Париже в ноябре 2015 г., в ходе которых погибло 130 человек. После этих событий правительство Пятой Республики было вынуждено ввести режим чрезвычайного положения на два года и усилить полицейский контроль над местными жителями, в особенности над мигрантами.

Исламское государство* не упустило шанса нарушить абсолютно все возможные права человека, задействовав наиболее жестокие и бесчеловечные методы распространения своей политической идеологии: экономика террористической группировки процветает благодаря торговле органами, людьми, оружием и наркотиками (одна из причин противостояния ИГ* и Талибана в Афганистане в наши дни — стремление занять лидирующую позицию в сфере наркоторговли, где Исламский Эмират Афганистан пока занимает первое место). Организация также прибегала к рекрутированию несовершеннолетних детей для участия в боевых действиях, обращению женщин-езидок в рабство, разрушению культурных памятников и массовым казням.

«Новые войны» под контролем радикалов.

Радикалы сегодня не ограничиваются осязаемыми способами ведения «священной войны», они активно используют социальные сети, онлайн-платформы, киберпространство для сбора информации и организации новых терактов. Использование подобного пространства может быть обусловлено несколькими целями:

1) Создание позитивного образа для потенциальных джихадистов (сейчас все реже становится возможным встре-

тить действительно пугающие видео, подготовленные игольцами, новая стратегия — создание привлекательного образа с помощью идеологии, демонстрации богатства и всех прелестей жизни типичного радикала. Читая журнал Dabiq, выпускаемый террористами на нескольких языках, в число которых входят и европейские, можно убедиться в том, что после утраты позиций в Сирии и Ираке исламисты вынуждены признать неактуальность устрашения как способа привлечения новых боевиков).

2) Использование социальных сетей и приложений для знакомств в Интернете для поиска уязвимых категорий: европейских женщин, недовольных скучной жизнью и слабохарактерными европейцами и желающих спрятаться за спиной «настоящего мужчины» (даже если этот мужчина вместо гор золота и любви обратит их в сексуальных рабынь и бесплатную рабочую силу); а также подростков, более впечатлительных в силу возрастных особенностей. Привлечение потенциальных молодых боевиков происходит на форумах, в чатах социальных сетей, на публичных страницах, в видео- и аудиоматериалах, представленных на платформах, а также через инновационную сферу — видеоигры (с помощью голосовых чатов). Кроме того, стоит отметить стремление ИГ* заинтересовать молодежь, что наблюдается в последних видеоматериалах, представленных радикалами: ранее наполненные жестокостью ролики сменились подобием известного шутера «Call Of Duty» - видео снято от первого лица, неизменный АК-47 хорошо виден в кадре, а бой ведется на удивление легко – враги практически не оказывают сопротивления. Таким образом, уязвимая категория населения оказывается очарована кажущейся легкостью и безопасностью войны (ведь главный герой видео пережил нападение, не прилагая особых усилий).

3) Использование киберпространства и новейших технологий позволяет джихадистам вести искусную информационную войну против национальных государств и международных организаций. Добыча и использование конфиденциальных данных военных объектов или личной информации участников военных операций и политических деятелей – одни из примеров безграничных возможностей и опасностей, находящихся в руках террористов.

Расширение террористической сети.

Помимо паутины в информационном пространстве боевики ИГ* пустили корни в более осязаемом смысле: по всей планете создаются ячейки ДАИШ, призванные дестабилизировать ситуацию в различных регионах. Наиболее ярким примером может служить «Виляят Центральная Африка», [охватывающий](#) Мозамбик и Конго. Помимо того, исламисты распространили влияние на территорию Сахеля (регион, включающий Сенегал, Мавританию, Мали, Алжир, Буркина-Фасо, Нигер, Нигерию, Камерун, Чад, Судан и Эритрею). С деятельностью джихадистов в Африке в основном борется Французская Республика, наиболее заинтересованная в сохранении влияния над бывшими колониями: Францией были проведены известная операция «Сервал» 2014 г., а также операция «Бархан», длящаяся и по сегодняшний день (хотя в июне 2021 г. Эммануэль Макрон после очередного военного переворота в Мали объя-

вил о прекращении связей с правительством африканской страны и отдал приказ остановить операцию). Исламское государство*, опирающееся на нестабильность в регионе, нехватку финансовых возможностей правительств обеспечить всех граждан государств равными возможностями и доступом к благам стремится усилить дестабилизацию, рекрутировать как можно больше африканцев и распространить свое влияние на Запад.

В связи с трагическими событиями в Афганистане (Исламском Эмирате Афганистан) стоит также подчеркнуть существование организованной ячейки ИГ* в провинции Хорасан. Именно ИГ* взяло на себя ответственность за взрывы в аэропорту Кабула. Казалось бы, почему ИГ* выступает резко против правительства «Талибана*»? Для ИГ*, потерпевшего поражение в борьбе с крупнейшими мировыми державами, заинтересованными в международной безопасности, провокация и дестабилизация и без того хрупкого в глазах международного сообщества режима талибов является способом продемонстрировать беспомощность противника (и в лице «Талибана*», и в лице национальных государств, не сумевших за много лет War on Terror действительно ликвидировать потенциальную угрозу).

Российская Федерация, хоть и обладающая значительным потенциалом в сфере национальной безопасности, тоже оказалась подверженной деятельности радикальных исламистов: Федеральная служба безопасности РФ регулярно [сообщает](#) о ликвидации ячеек ИГ* в России, а также о предотвращении крупных терактов.

Безопасность на сегодняшний день перешла от стандартного понимания обороноспособности страны в случае нападения другого государства в совершенно иное понимание. Теперь безопасность представляет собой не только комплекс мер государства по защите граждан, но и личную инициативу (осведомленность о возможном рекрутинге через социальные сети и своевременное обращение в полицию).

Рассматривая деятельность террористической группировки ИГ* в период 2017–2021 г., можно сделать вывод: война еще не окончена, она перешла в другие измерения (из пустыни в социальные сети) и географические координаты (из Сирии и Ирака в Сахель). Национальные государства, находящиеся под постоянной угрозой терактов и массовых потерь населения, вынуждены мобилизовать ресурсы и человеческий потенциал для всеобъемлющей борьбы с терроризмом во всех сферах. Первоочередной задачей, стоящей перед мировым сообществом, является недопущение массовой радикализации и усугубления ситуации на территориях, уже подверженных деятельности ИГ*. Для каждого игрока на международной арене вопрос терроризма остается насущным, так как невозможно оставаться в «мыльном пузыре» в эпоху глобализации, перехода в цифровое пространство и роста взаимосвязанности и взаимозависимости государств и негосударственных акторов.

Впервые на ФМП: заседание ПА ОДКБ

16 ноября 2006 г. председателями парламентов стран-членов Организации Договора о коллективной безопасности было принято решение о создании Парламентской Ассамблеи (ПА ОДКБ). Деятельность нового органа межпарламентского сотрудничества связана с регулированием правовых отношений в сфере компетенции ОДКБ, выработкой рекомендаций по сотрудничеству в военно-политической и правовой областях, а также с организацией совместной деятельности с другими международными организациями. Учитывая вновь дестабилизировавшуюся ситуацию на Ближнем Востоке, а также актуальность проблем, с которыми сталкивается ОДКБ, руководство ФМП сочло необходимым осуществить практическое знакомство студентов с данной структурой. 22 сентября 2021 г. на факультете мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова состоялось первое заседание Модели Парламентской Ассамблеи Организации договора о коллективной безопасности.

На повестке дня стоял вопрос о развитии ситуации в Афганистане и ее влиянии на формирование новых вызовов и угроз безопасности стран, входящих в состав ОДКБ. В модельном заседании принимали участие представители государств-членов (Республика Армения, Республика Таджикистан, Киргизская Республика, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация), международных структур и организаций, а также делегация от «Талибана» (запрещенная в РФ террористическая организация). Несмотря на ограниченное время и множество аспектов для обсуждения, участникам удалось поделиться впечатлениями с журналистами Non Paper.

Делегация Казахстана в лице Александра Кудрявцева оценила информационную работу Студенческого сообщества ФМП и рассказала о своих ощущениях перед началом заседания.

Non Paper: Почему вы решили принять участие в модели ОДКБ?

Александр Кудрявцев (делегация Казахстана): Для меня участие в этой модели является интересным опытом. Это прекрасная возможность применить полученные знания на практике. В целом, модели позволяют глубже погрузиться в политические реалии. Это особенно важно для меня, ведь в рамках Научного Студенческого Сообщества, где я состою, сейчас исследуется афганский кейс.

Non Paper: Откуда вы узнали про данную Модель? И чего ожидаете от предстоящей работы?

Александр Кудрявцев (делегация Казахстана): В группе Студенческого сообщества ВКонтакте опубликовали запись о предстоящей модели. Там и узнал. Не буду заглядывать слишком далеко, так как ситуация в Афганистане остается слишком сложной. В докладе эксперта как раз изложена вся проблематика вопроса. Вообще надеюсь на конструктив и устраивающий всех результат работы.

Делегат от Российской Федерации, Никита Вехов, рассмотрел общую позицию государства с учетом личного мнения в вопросах обеспечения региональной безопасности. Представитель Москвы также поделился анализом перспективы развития отношений ОДКБ и Афганистана.

Non Paper: Как ваша позиция соотносится с представляемым государством? И какие основные положения своей позиции вы бы выделили?

Никита Вехов (делегация РФ): Обычно я представляю страну на модели так, что часть инициатив являются нынешними идеями государства, а другая часть — моими мыслями, которые я имплементирую. Порядка 70 процентов — это мои мысли. Такая вот формула — «70 на 30». Я представляю делегацию Российской Федерации, и хочу сразу сказать, что с некоторыми странами уже найдены точки соприкосновения, в частности, по поводу усиления приграничного контроля за перемещением беженцев. Также мы сошлись в использовании Коллективных

сил оперативного реагирования (КСОР). Особенно это актуально для Таджикистана, который имеет общую границу с Афганистаном. Делегация Российской Федерации выступает за налаживание контактов с представителями «Талибана» по линии парламентских контактов, поскольку без этого невозможен диалог. На этот счет консенсуса нет, и позиция Казахстана с Таджикистаном отлична от нашего видения. Довольно важным вопросом является и наркотрафик, поскольку, несмотря на все усилия КСОР, опиоидный мак по-прежнему поставляется на мировые рынки и на рынок стран-участниц ОДКБ, в частности. Россия выступает за помощь Афганистану в постепенном сокращении плантаций опиоидного мака и замене его на сельскохозяйственные культуры. Тот факт, что мы не предлагаем сразу отказаться от выращивания опиатов, а планируем постепенный отход, связан с тем, что Афганистан довольно сильно зависит от их экспорта.

Non Paper: Для всех стало неожиданностью появление делегации Афганистана в зале заседаний. Какова ваша позиция по поводу контактов Парламентской Ассамблеи ОДКБ с представителем из Афганистана?

Никита Вехов (делегация РФ): Делегация Российской Федерации надеется на то, что члены ОДКБ наделят делегацию от Афганистана статусом наблюдателя. Поскольку было отмечено в нашей речи, мы считаем, что необходимо обсудить экономическую и политическую помощь стране с их делегацией, а это означает в будущем возможность заключения всеобъемлющего соглашения с правительством талибов. Это предлагается сделать в обмен на безопасность стран-участниц ОДКБ. Мы надеемся, что делегации России удастся пролоббировать эту позицию и включить ее в итоговое заявление.

Интервью для Non Paper дала сопредседатель ПА ОДКБ Наталья Санникова. Моделист озвучила общую оценку заседания, охарактеризовала роль делегации Афганистана в Ассамблее и высказала мнение относительно будущего «Талибана» в международных организациях, в частности ООН.

Non Paper: Какой момент на заседании вам запомнился больше всего?

Наталья Санникова (сопредседатель ПА ОДКБ): Пока что наиболее впечатляющая ситуация — это появление представителя парламента Афганистана. Это было неожиданно и довольно забавно. То, как вхождение в зал представителя Талибана обставили, понравилось и президиуму, и делегатам. Но, как бы это ни было иронично, по итогам голосования, страны-участницы ОДКБ решили не предоставлять делегации Афганистана статус наблюдателя.

Non Paper: Как вы оцениваете работу модели?

Наталья Санникова (сопредседатель ПА ОДКБ): Работаем мы весьма продуктивно и идем в очень хорошем темпе. Учитывая, что у нас однодневная модель, мы относительно быстро переходим к написанию итогового документа. Повторюсь, что считаю это весьма продуктивным для модели подобного формата.

Non Paper: Если немного абстрагироваться конкретно от модели, то, как вы расцениваете возможность представительства талибского правительства в ООН?

Наталья Санникова (сопредседатель ПА ОДКБ): Лично мое мнение заключается в том, что «Талибан» в ООН представлен не будет до того момента, пока он не станет играть по правилам международного сообщества. Поскольку Совет Безопасности ООН продлил свою миссию на афганской территории, и отмечается, что сотрудники этой миссии регулярно подвергаются угрозам со стороны талибов.

Свою позицию также озвучили представители «Талибана» в лице Вадима Митькина, чье появление на заседании вызвало неоднозначные оценки.

Non Paper: Как вы оцениваете перспективность развития двустороннего диалога между ОДКБ и Талибаном с учетом уже принятых решений?

Вадим Митькин («Талибан»): Мы глубоко разочарованы тем фактом, что Парламентская Ассамблея ОДКБ отвергла предложение о нашем вступлении в Ассамблею на правах наблюдателя, ведь мы являемся единственной реальной политической силой в Афганистане, которая сдерживает международный терроризм и способствует разрешению региональных проблем, стоящих перед ОДКБ. К сожалению, наша позиция не встретила должный отклик со стороны большей части представителей организации. «Талибан» в очередной раз заверил, что не будет дестабилизировать ситуацию в регионе, и очень жаль, что многие делегаты модели этого не осознали. Однако мы рады, что представители республики Армении и Российской Федерации в ходе наших двусторонних диалогов все-таки продумали этот кейс.

Нам кажется, что решения ОДКБ в действующих рамках без голоса Талибана будут неэффективны. Организация не сможет мобильно отвечать на вызовы сегодняшнего дня в регионе. Всё, в конечном итоге, утонет в бюрократической волоките.

Non Paper: Считаете ли вы нынешний уровень соблюдения прав женщин в Афганистане удовлетворительным?

Вадим Митькин («Талибан»): Да, мы считаем нынешний уровень полностью удовлетворительным по ряду объективных причин. Еще в августе мы заверили международное сообщество в том, что разрешим женщинам заниматься спортом, выступать по радио, а также учиться. Посоветовавшись с муллами, мы приняли это решение. Однако, мы не намерены отказываться от предписаний пророка Мохаммеда. Для нас высказанное является более важным, чем нормы, принятые в международном сообществе. В рамках шариата, права женщин не попираются. Это наши правила, и осуждения наших норм со стороны кого-либо мы не потерпим.

Итак, первая модель Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности проходила весьма успешно. Однако окончательную оценку труды участников получают немного позже. 18 октября на заседании Экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской ассамблеи ОДКБ будет рассмотрено постановление наших моделистов. Газета Non Paper желает участникам и их проекту удачи и надеется, что принятые ими решения окажут влияние на текущую политическую ситуацию.

**Владимир Анчиков,
Роберт Абоян**

